

Я.В. Абрамов

Иоганн Генрих Песталоцци

**Его жизнь и педагогическая
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Я11

Я11 **Я.В. Абрамов**
Иоганн Генрих Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность / Я.В. Абрамов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-4241-2452-5

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-4241-2452-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Я.В. Абрамов, 2021

Яков Васильевич Абрамов
Иоганн Генрих Песталоцци.
Его жизнь и педагогическая
деятельность

Биографический очерк Я. В. Абрамова

С портретом Песталоцци, гравированным в Лейпциге Геданом

ОТ АВТОРА

Песталоцци принято называть “отцом современной педагогики”. Говорится это обыкновенно для выражения высокой похвалы этому великому человеку. Однако в настоящее время, когда многие и весьма многие начинают сомневаться в высоких достоинствах “современной педагогики”, именовать Песталоцци “отцом” ее – еще не значит выразить то поистине великое значение, которое имел Песталоцци в истории человечества. Гораздо более будет соответствовать делу наименование великого педагога “отцом народного образования”. На памятнике, воздвигнутом Песталоцци в 1890 году в швейцарском городке Ивердоне, где столько лет работал он на поприще народного просвещения, очень предусмотрительно устранили указание на заслуги Песталоцци как отца современной педагогики и весьма справедливо отмечены его заслуги в качестве “спасителя бедных”, “отца сирот”, “основателя народной школы” и “воспитателя человечества”. И действительно, для того, кто смотрит на дело без предвзятой мысли, заслуги Песталоцци собственно в области практической педагогики – и как учителя-практика, и как теоретика-методолога – кажутся весьма невысокими. Иное дело – Песталоцци как пропагандист идеи народного образования, как борец против господствовавшей до него (в значительной мере продолжающей господствовать и доселе) школьной рутины и как автор идеи о замене школьного обучения домашним: здесь Песталоцци действительно велик, и заслуги его перед человечеством неизмеримы. Нужды нет, что далеко, далеко не все, что проповедал, чего желал Песталоцци, осуществилось, вошло в жизнь: в этом вина уже не Песталоцци. Идеи, высказанные им, остаются, живут и мало-помалу осуществляются в жизни. Уже один тот толчок, который он дал вопросу о народном образовании, привлекая к этому предмету внимание лучших элементов европейского общества, выяснив все великое значение народного образования и возбудив стремление к образованию в самой массе темного народа, – уже одной этой заслуги, имевшей такие обширные и важные практические последствия, совершенно достаточно для того, чтобы поставить Песталоцци в ряду истинных “благодетелей человечества”.

Помимо крупного исторического значения жизни Песталоцци, для биографа она представляет особенно приятный предмет описания еще потому, что в истории человечества найдется немного людей, у которых дело в такой мере согласовалось бы со словом, жизнь – с убеждениями. На памятнике в Ивердоне вычеканены слова: “Все для других, ничего для себя”, – и в этих словах – все содержание жизни Песталоцци. Личных целей, личной жизни у Песталоцци не было. Вся его долгая жизнь была отдана до последнего дня служению народу – служению идеально-бескорыстному. Трудно представить себе что-либо более трогательное, чем нижеследующее посвящение, поставленное на одной из книг Песталоцци, – посвящение, в котором он так характерно изображает побуждения и значение своей деятельности, и ту награду, которую он желал бы получить за долгие годы своих трудов и лишений. Вот это посвящение:

“Низшему классу населения Гельветии”¹

Я долго смотрел на твое жалкое, тяжелое положение, и сердце мое исполнилось скорбью. Дорогой мой народ, сказал я себе, я помогу тебе. У меня нет

искусства, я не вооружен наукой, в этом свете я ничто, совсем ничто, оу хорошо знаю тебя и отдаю тебе все, что успел приобрести в течение моей трудовой жизни. *Я отдаю тебе всего себя.*

Читай, что я предлагаю, без предрассудка, и если кто-нибудь даст тебе лучшее, брось меня; пусть в твоих глазах я превращусь в то же “ничто”, каким я прожил всю мою жизнь. Но если тебе не скажет никто того, что говорю я, никто не скажет так доступно и пригодно, как говорю я, то подари мою память, мою жизнь, мою угасшую для тебя деятельность *слезою — одною только слезою*”.

В этих словах — весь Песталоцци. Жизнь *такого* человека не может не быть глубоко поучительной для всех и каждого. И действительно, жизнеописание великого народного печальника должно быть настольною книгою у всех — великих мира сего и малых, богатых и бедных, старых и юных. Здесь перед каждым пример поистине идеального самоотвержения, необычайной преданности избранному для себя делу и несокрушимой энергии, вытекавшей из глубочайшей любви к этому делу. Бедный до того, что он не мог быть уверенным в куске хлеба назавтра, занимая самое ничтожное общественное положение, непрактичный до того, что многие современники серьезно считали его безумным, мечтатель и фантазер, бесхарактерный Песталоцци сумел не только всю жизнь прослужить любимому делу, не только никогда не отступал ни на шаг от своих убеждений и правил, но и заставил весь мир признать справедливым и разумным то, что первоначально казалось всем окружающим его проявлением безумия. Жизнь Песталоцци наглядно учит нас, что любовь к делу и вера в него составляют такую силу, которая слабых превращает в титанов и помогает одному выстоять против всех и даже одержать победу. Полагаю, что жизнь человека, олицетворяющего такое поучение, действительно достойна внимания всех.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Рождение. – Отец, мать и служанка Бабэль. – Первые годы жизни. – Влияние условий детской жизни на формирование характера. – Дядя и дед. – Горожане и сельчане. – Источник сочувствия к народу. – Начальное обучение. – Колледж. – Стремления молодежи. – Выбор должности. – Влияние Руссо. – Песталоцци – правовед, священник и земледелец. – Начало литературной деятельности

Песталоцци по происхождению был швейцарцем. В Швейцарии же прошла и вся его жизнь. Он родился 12 января 1746 года в Цюрихе. Отец Песталоцци был хирургом, а мать – дочерью зажиточного поселянина. И по отцу, и по матери Песталоцци был в близких отношениях с деревней. Дед его по отцу был сельским пастором, а один из дядей – сельским врачом. Оба они были истинно деревенскими людьми и имели большое влияние на развитие симпатий Песталоцци к деревне и простому люду. Родня по матери была уже чистою деревенщиной.

Отец Песталоцци имел довольно значительную практику, и семья считалась зажиточной. Она состояла, кроме отца, матери и сына Генриха, еще из другого сына и дочери. И отец, и мать Песталоцци были людьми добрыми, мягкого характера, и жизнь семейства складывалась самым благоприятным образом. К несчастью, неожиданная смерть разрушила это счастливое положение и ввергла семью в крайнюю бедность.

Песталоцци было всего пять лет, когда умер его отец. Семья осталась с самыми скудными средствами. Положение было тем более печально, что мать Песталоцци, ставшая теперь во главе семьи, была совершенно не подготовлена к этой ответственной роли и отличалась крайней непрактичностью. Семью ожидали все бедствия нищеты, если бы ее не спасла самоотверженная личность, отдавшая всю свою жизнь попечениям о доброй, но бесхарактерной г-же Песталоцци и ее детях. На долю Песталоцци выпало с колыбели видеть возле себя пример безграничного самопожертвования и жизни для других, что, конечно, сильно повлияло и на развитие в нем самом того же качества.

Еще при жизни отца в семью поступила служанка, молодая деревенская девушка, по имени Бабэль. Она быстро привязалась к добрым господам и их детям. Ее трудолюбие, практичность и привязанность к семье Песталоцци привлекли, в свою очередь, симпатии к ней членов семьи. И вот когда отец умирал, он обратился к этой простой деревенской девушке с такими словами: “Бабэль, ради Бога, не бросай моей семьи. Когда я умру, она легко растеряется в куче предстоящих ей забот, и детям моим придется есть чужой кусок хлеба, целовать чужую руку”. Бабэль отвечала: “Ладно, я не оставлю вашей жены и если до моей смерти буду годиться ей на что-нибудь, то не уйду от нее”. И она, эта простая деревенская девушка, сдержала слово, данное умирающему: она слила всю свою жизнь с жизнью семьи Песталоцци и отдавала ей все свои силы до самой своей смерти.

В сущности, главою семьи после смерти отца была Бабэль. Г-жа Песталоцци, оставаясь госпожою внешне, во всем подчинялась практичной и внушавшей ей глубокое уважение Бабэль. Всю тяжесть мелких материальных забот, которые так назойливы в бедных семьях, Бабэль взяла на себя и сделала то, что жизнь семьи Песталоцци, при всей скудости ее средств, была сносной.

Песталоцци вспоминает в своих автобиографических записках, веденных им в старости, в самых трогательных выражениях о доброй, великодушной девушке, отдавшей всю свою жизнь чужим детям и их беспомощной матери. Эта Бабэль была истинным ангелом-хранителем семьи не только потому, что она спасла ее от нищеты, но и еще более потому, что своим добрым влиянием, влиянием своей простой, благородной и великодушной личности, она способствовала развитию самых лучших душевных качеств в детях семьи.

О матери своей Песталоцци говорит с величайшей любовью. Вся ее жизнь была отдана детям. Она никогда нигде не бывала, оставаясь все время с детьми. Она отказывала себе в самом необходимом, чтобы только иметь возможность дать своим детям образование, которое она высоко ценила, несмотря на то, что сама была малообразованной.

Брат Песталоцци умер вскоре вслед за отцом, и любовь матери всецело сосредоточилась на Генрихе и его сестре. Он называет себя “маменькиным сынком” и говорит, что в детстве он “не выходил из-за печки”. Действительно, обстановка детства, вместе с развитием в Генрихе лучших качеств души – доброты, мягкости, любви к людям и самоотверженности, повлияла и на развитие в нем бесхарактерности и непрактичности. Окруженный заботами двух женщин, души не чаявших в нем, Генрих не имел ни надобности, ни случая шагу ступить самостоятельно. Эта непривычка к самостоятельности, эта непрактичность дали о себе знать впоследствии, когда Песталоцци пришлось жить на свой страх, – и очень печальным образом. Уединенная жизнь, которую вела семья Песталоцци и при которой она почти не сталкивалась с посторонними, имела своим последствием то, что Песталоцци на всю жизнь остался каким-то дикарем, всегда стеснявшимся в обществе и крайне неловким и угловатым на людях. Но та же тесная, замкнутая семейная жизнь развила в Песталоцци глубокую любовь и своего рода благоговение перед семейными узами и отношениями. Семья, с ее радостями и горестями, с ее взаимной любовью, связующей членов, стояла для Песталоцци выше всего, и семейные отношения заняли главное место в системе его взглядов на воспитание. Нельзя не упомянуть еще и о том, что уютная семейная жизнь, где все так любили друг друга и во всем доверяли друг другу, сделала Песталоцци глубоко доверчивым, считавшим всех и каждого прекрасными людьми. Другого такого слепо-доверчивого и не способного разочаровываться в людях человека действительно трудно было найти, что послужило для Песталоцци источником и счастья, и многих несчастий.

Была еще весьма заметная черта в характере Песталоцци, развивавшаяся именно под влиянием условий детской жизни. В жизни семьи благодаря энергичному руководству Бабэль царил строгий порядок. Суровая с виду, хотя и глубоко добрая в душе, Бабэль терпеть не могла никакой беспорядочности и неаккуратности; чистота была предметом особого попечения этой воспитательницы Песталоцци. В домике семьи всегда все блестело и сияло – царила самая идеальная чистота; на детях всегда было чистое белье и платье. Малейшее отступление от этого порядка – какое-нибудь пятно на платье детей, разлитая вода, а тем более порванное платье, – выводило Бабэль из себя. И Песталоцци вынес в жизнь привычку к чрезвычайному порядку и чистоплотности. Здесь, быть может, кроется причина того высокого значения, какое Песталоцци придавал внешней порядочности, считая ее первою ступенью к достижению нравственно-

го улучшения.

Печальнейшею стороною детства Песталоцци являлось полное устранение его от жизни. Это обстоятельство давало себя знать в течение всей его последующей жизни. “Я рос, – говорит по этому поводу Песталоцци, – под неусыпными взорами лучшей матери, маменькиным сыночком, более чем кто-либо другой; я видел свет только в небольшом пространстве комнаты моей матери, а потом в столь же ограниченном пространстве училищной комнаты; действительная человеческая жизнь была мне столь же чужда, как будто я вовсе не существовал в том мире, в котором жил”.

Эта ограниченность сферы наблюдений развила в Песталоцци чрезвычайную сосредоточенность, привычку вдумываться в то, что приходилось видеть, стремление узнавать предмет со всех сторон.

Общество женщин, и притом женщин добрых, мягких, всю свою жизнь сосредоточивших на Генрихе и сестре, повлияло на развитие в Песталоцци чувства в ущерб сдерживающей силе рассудка. Эта черта ярко проходит через всю жизнь Песталоцци. Он всегда интересовался только тем, что затрагивало его чувство, а не тем, важность чего указывал ему разум. Точно так же в действиях своих он всегда руководствовался указаниями своего доброго сердца, как бы ни противоречили тому указания рассудка.

Сильное развитие чувства сделалось заметной чертою характера Песталоцци, которая выражалась в его необычайной чувствительности к чужому страданию. В детстве вид раздавленного червяка заставлял его плакать; встречаясь с нищим, он отдавал все, что у него было, и часто оставался голодным, относя свою обеденную порцию какому-нибудь бедняку. Эта чувствительность к чужому горю, к чужому страданию осталась в Песталоцци на всю жизнь.

Видное влияние на развитие характера Песталоцци – именно в смысле развития его симпатий ко всем бедным, обездоленным – оказали его дед и дядя.

Дед Песталоцци, как уже сказано, был деревенским пастором. Он как бы представлял предания первых времен реформатской церкви, тех времен, когда духовные лица выходили из среды самого народа и не разрывали с ним соединявших их ранее уз, продолжая жить не только среди людей, но и одной жизнью с ними. Отношения деда Песталоцци с прихожанами были самые близкие и задушевные. Вся жизнь старика была посвящена прихожанам и их нуждам. Он прекрасно знал все семьи своего прихода, знал “внешнее” положение каждой и “внутреннее” настроение, и потому всегда мог вовремя явиться к нуждавшимся в слове утешения, умиротворения или в иного рода поддержке. Дедушка-пастор не только свято выполнял свой долг, но и горячо любил село, сельчан и сельскую жизнь, относясь весьма скептически к городу и городским порядкам. Когда Песталоцци гостил у своего деда, последний, с удовольствием замечая, что внук его быстро сближается с крестьянскими детьми, охотно отпускал его в крестьянские дворы для игр или в поле для ознакомления с деревенскими работами, брал его нередко с собою при исполнении треб и любил беседовать с ним о достоинствах простого деревенского люда. Песталоцци всю жизнь сохранял воспоминания о днях, проведенных у деда, и именно с этого времени в нем начал утверждаться несколько оптимистический, быть может, взгляд на крестьян как на часть народа, отличающуюся особыми добродетелями. Вот что он писал по этому поводу уже в старости: “В нашем крестьянском населении того времени сохранились еще,

хотя и значительно ослабевшие, воспоминания о прежних лучших днях. Оно в большей части деревень было честно, полно природного ума и понимания жизни. При своей простоте, никому не вредящей деятельности, оно было воодушевлено, несмотря на свою необразованность, истинною любовью ко всему честному и справедливому; откуда бы ни исходила ложь, несправедливость, отсутствие любви, черствость сердца, люди того времени, обитавшие в самых бедных хижинах, высказывались с беззаботною, ничем не стесняющеюся отвагою, с готовностью на сопротивление. Вялость и равнодушие ко всему, что справедливо или нечестно, хорошо или дурно, не успели еще пустить глубоких корней в тогдaшнем населении”.

Если симпатии деда Песталоцци к сельскому населению были более инстинктивные, и он мог в этом отношении воздействовать, главным образом, на чувства своего внука, то дядя последнего, медик Гётце, был уже сознательным сторонником сельчан, и его пылкие, горячие речи по поводу угнетенного положения, в котором тогда находились швейцарские крестьяне, не могли не подействовать на ум Песталоцци. Швейцария не знала крепостного права в узком значении этого слова. Здесь не было помещиков и принадлежавших им крестьян. Но зато эту роль помещиков по отношению к сельскому населению прекрасно выполняли города, и отношения, установившиеся между горожанами и сельчанами, делали последних, в сущности, крепостными первых. На крестьянах лежала вся тяжесть податей как кантональных, так и государственных, от которых горожане освободили себя. Крестьяне имели право заниматься только земледелием; торговля и ремесла составляли монополию горожан. При этом крестьяне могли продавать произведения своего труда только горожанам, а отнюдь не друг другу, и если крестьянин нуждался хоть в чем-либо из сельских продуктов, он должен был ехать за этим в город, а отнюдь не смел купить нужное у соседа-крестьянина, который мог бы продать ему вдвое дешевле. Крестьянину разрешалось для собственной потребности выткать сукно или полотно из собственного сырья, но ни выбелить, ни выкрасить вытканное он не имел права, а должен был приглашать для этой цели городского красильщика. Крестьянин имел право дать займы деньги другому крестьянину не иначе как за проценты, и притом не ниже установленных высоких процентов: горожане, опутывавшие сельчан займами за высокие проценты, не желали, чтобы крестьяне могли иметь возможность занимать деньги за низкий процент. И так далее.

Такое бесправное положение крестьян возмущало лучших людей того времени. Гётце был особенно горячим противником ненормальных отношений горожан с сельчанами, и его пылкие речи по этому поводу, подкрепляемые повседневными фактами, которые маленький Песталоцци наблюдал во время пребывания у деда и дяди, не могли не оказать сильного влияния на мягкую душу будущего великого воспитателя. От природы глубоко справедливый и ненавидевший всякое притеснение, Песталоцци с детства начал сочувствовать угнетенному крестьянству и негодовать по поводу его бесправного положения.

Все изложенное на предыдущих страницах делает теперь для нас понятным то необычайное развитие любви к простому народу, к темной массе, которым отличался Песталоцци. Природная доброта и справедливость соединились здесь с происхождением Песталоцци от женщины из крестьянского сословия с влиянием второй матери, крестьянки Бабэль, воздействием примера деда, всецело

отдавшегося служению народу, с влиянием дяди, убежденного демократа, и, наконец, с непосредственным наблюдением бесправного, угнетенного положения сельчан. Неудивительно, что уже в том возрасте, когда Песталоцци был отдан в школу, он был истинным народным печальником.

Начальное образование Песталоцци получил сперва под руководством своего деда-пастора, а затем в одной из городских школ Цюриха. Учение у дедушки шло превосходно. Добрый старик отдавал все свободное время внуку и вкладывал всю душу в обучение. Песталоцци давалось все легко, и ученье шло быстро и успешно. Совсем по-иному получилось, когда Песталоцци поступил в школу. Здесь царили схоластические приемы преподавания; учащиеся относились к делу формально; самые предметы преподавания представляли для них весьма малый интерес. Какое влияние могла оказать на Песталоцци подобная школа, наглядно видно из того отзыва, который он сделал впоследствии относительно школ своего времени. “Школы, в сущности, не что иное, — писал Песталоцци, — как искусственные машины, которыми душат все следы силы и опыта, влагаемые в детей природой. Представьте себе на минуту весь ужас этого убийства! До 5–7 лет детей оставляют в полном наслаждении природой, делая доступным всякое впечатление: дети чувствуют силы природы, они уже далеко ушли в наслаждении ее непринужденностью и всеми ее прелестями, и свободный, естественный ход, которым идет в своем развитии счастливый дикарь, уже овладел ими совершенно. И вот, после 5–7 лет этой блаженной жизни, вдруг уносят от их глаз всю природу; тирански останавливают полное прелести, непринужденное, свободное развитие; скучивают их толпами, как овец, в душную комнату; неумолимо засаживают их на целые часы, дни, недели, месяцы и годы за жалкие, непривлекательные и однообразные буквы и заставляют их жить жизнью, совершенно противоположную всей их прежней жизни. Может ли удар меча, разрубающий шею преступника и ведущий его от жизни к смерти, произвести большее влияние на его тело, чем такой переход от прекрасного, полного наслаждения руководства природы к самому жалкому школьному учению — на душу детей?” Исходя из этого, Песталоцци, как увидим ниже, предлагал полное уничтожение начальных школ и замену их обучением в семьях. Продолжая характеристику современных ему школ, Песталоцци говорит о самом материале, служившем для обучения: “Сущность учения приносится в жертву путанице отдельных изолированных наук; выставляют на стол всякие блюда из крох истины, но умерщвляют дух самой истины; в человечестве гаснет сила самостоятельности, покоящаяся на истине”. Приведенные слова как нельзя лучше характеризуют впечатления, вынесенные Песталоцци из школы, и делают понятным, почему он так рано стал задумываться над вопросами воспитания и обучения: “уже в самые ранние юношеские годы, — писал он в своих предсмертных воспоминаниях (“Лебединая песнь”), — в моем сознании пробудилась мысль о том, чтобы сделать себя когда-либо способным принести свою лепту на улучшение народного образования”.

Много горя пришлось вынести Песталоцци в школьные годы. С формальной стороны учение его шло крайне плохо. Богато одаренная душа Песталоцци не могла сосредоточиться в узких рамках предлагаемого школьным обучением материала; мысль его постоянно работала над вопросами, не имевшими ничего общего с тем, что происходило на классных уроках. Самые предметы обучения, в той форме, в которой они подносились Песталоцци, не возбуждали в нем ни

малейшего интереса, и он относился к ним с полной апатией. Неудивительно, что он доставлял своим учителям весьма частые случаи упрекать его в невнимательности, небрежности и просто лени, учителей раздражало то обстоятельство, что Песталоцци, вместо того чтобы смиренно выучивать, что от него требовалось, искал разъяснения, зачем нужно предлагаемое ему для изучения, или рассуждал о том, что предлагаемые ему знания можно преподавать более доступным способом. Учителя смотрели на Песталоцци как на тупицу, решительно ни к чему не способного. И их укрепляло в этом мнении то обстоятельство, что он вынес из школы весьма мало и, например, на всю жизнь остался не владеющим тайнами орфографии, имея при этом смелость совсем не придавать никакого значения сей премудрости. “Главное в человеке – голова, – говорил по этому поводу Песталоцци, – а пудру можно купить в каждой лавочке”. Что же удивительного, что в глазах учителей, которые и за человека не считали того, кто ошибается в *вятях*, Песталоцци был просто идиотом, как они и аттестовали его.

Со школьными товарищами Песталоцци долго не мог сблизиться. Нигде в мире нет такой надутой, чванной буржуазии, как в Швейцарии, где она так долго играла роль господ-помещиков по отношению к сельскому населению. Дети такой буржуазии, учившиеся вместе с Песталоцци, смотрели с пренебрежением на этого “мужика”, родственные связи которого с деревней были им известны. Неприятные отношения, установившиеся между Песталоцци и его товарищами, еще усиливались благодаря тому, что он громко возмущался царившим тогда в школе взяточничеством и порождаемому им снисходительностью учителей к детям более зажиточных родителей. Вместе с тем Песталоцци вооружал против себя большинство своих товарищей: он всегда становился на сторону тех из соучеников, которые по каким-либо причинам (физические недостатки, происхождение от отцов-ремесленников, бедность) служили посмешищем для класса. Чувство врожденной справедливости заставляло Песталоцци восставать против этой травли несчастных, за что он, в свою очередь, сделался предметом самой грубой травли. Таким образом, уже в школе началась тяжелая, мученическая жизнь Песталоцци, полная неприятностей и преследований, продолжавшихся до самой его смерти. Вместе с тем уже в школе обнаружились во всем блеске прекрасные стороны характера Песталоцци, и здесь произошло то же, что происходило потом в течение всей его жизни: все, кто имел случай близко узнать Песталоцци, неизбежно поддавались чарующему влиянию его натуры и начинали глубоко любить его. К концу пребывания Песталоцци в школе все товарищи полюбили его, а некоторые из них сделались его друзьями на всю жизнь.

Окончив городскую школу, курс которой в Швейцарии значительно шире курса наших прогимназий, Песталоцци поступил в коллеж. Курс коллежа заканчивал среднее образование и начинал высшее. Если городские школы оставались тогда еще вне влияния духа времени, то в коллеже уже вполне проявлялось влияние XVIII века. Состав преподавателей Цюрихского коллежа был как нельзя более по душе Песталоцци. Это были благородные мечтатели, думавшие воспитанием подрастающего поколения подготовить лучшее будущее для своей родины. “Независимость, самостоятельность, благотворительность, самопожертвование и любовь к отечеству были лозунгом нашего общественного образования, – говорит Песталоцци в своих записках. – Преподавание, которым мы пользовались в живом и привлекательном изложении, было направлено к тому, чтоб поселить